
Слабое
место
♡
МАРИАННА

Марианна Азарова

Слабое место

«Автор»
2026

Азарова М.

Слабое место / М. Азарова — «Автор», 2026

Варя печёт лучшие тарты в районе. Артём Кречетов — человек, который пришёл забрать её пекарню за долги отца.Она соглашается работать на него. Он соглашается оставить ей кухню. Они думают, что это просто сделка.Но за стенами пекарни, где пахнет ванилью и корицей, начинается другая жизнь — с угрозами, шрамами и людьми, которые не прощают ошибок. И чем ближе Артём подпускает Варю, тем опаснее становится для неё этот мир.Потому что она — его слабое место.

© Азарова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро в пекарне 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Марианна Азарова
Слабое место

Глава 1. Утро в пекарне

В пять утра воздух в пекарне был густым, как сливки. Пахло дрожжами, ванилью и тем особенным теплом, которое бывает только в месте, где пекут хлеб. Варвара Малиновская стояла у стола, посыпанного мукой, и раскатывала тесто для круассанов. Движения были отработанными до автоматизма: раскатать, сложить, раскатать снова, завернуть в треугольник. Руки знали своё дело, пока голова была занята другим.

Она бросила взгляд на прилавок. Там, под кассовым аппаратом, лежал конверт. Варя знала, что внутри. Третье письмо за месяц. Она не открывала его — и так знала, что там написано. Сумма с процентами. Срок. Угроза.

Пальцы сами собой начали выстукивать дробь по краю стола. Тук-тук-тук. Тихо, почти неслышно, но она поймала себя на этом и сжала руку в кулак. «Не сейчас. Потом».

Она вернулась к тесту. Круассаны сами себя не сделают.

Пекарня досталась ей от отца год назад — вместе с долгами, о которых она узнала только после похорон. Отец был хорошим пекарем, но плохим дельцом. Он брал деньги у людей, которые дают в долг под проценты, и верил, что всё как-нибудь образуется. Не образовалось. Варя осталась одна: с пекарней, с рецептами, записанными от руки в потрёпанной тетради, и с суммой, от которой у неё холодело внутри каждый раз, когда она об этом думала.

Но она не плакала. Плакать было некогда. Нужно было печь.

К шести утра первые круассаны уже лежали на витрине — золотистые, слоистые, с каплями миндального крема. Варя вытерла руки о фартук — белый, с небольшим пятном от шоколада на кармане — и поправила волосы. Прямые, светло-русые, они выбились из небрежного пучка, и она заправила прядь за ухо. Серо-голубые глаза оглядели витрину: всё ли на месте? Улитки с корицей, тарт с грушей, несколько безе. Мало. Нужно было испечь ещё.

Звякнул колокольчик над дверью. Вошла Настя — подруга и по совместительству её единственная помощница. Настя работала в пекарне ещё при отце Вари: мыла посуду, принимала заказы, упаковывала выпечку. Когда Варя приняла дела, Настя осталась — и стала той, без кого Варя уже не представляла своего утра. Она была на два года старше, с рыжими кудрями, которые вечно лезли в глаза, и с привычкой говорить всё, что думает, не фильтруя.

— Ты опять не спала? — спросила Настя, снимая куртку и вешая её на крючок у двери.

— Спала. Четыре часа.

— Это не сон, это издевательство. — Настя прошла на кухню, заглянула в миску с тестом, потом в холодильник. — Ты уже сделала круассаны? И тарт? Варя, ты машина.

— Мне нужно было чем-то занять руки.

Настя остановилась. Посмотрела на неё внимательно. Рыжие кудри упали на лицо, и она сдула их.

— Опять письмо?

Варя кивнула. Пальцы снова начали выстукивать по прилавку. Тук. Тук. Тук.

— Варя. — Настя подошла ближе, вытерла руки о полотенце. — Ты не можешь так продолжать. Ты печёшь двенадцать часов в сутки, а долг не уменьшается. Может, пора поговорить с кем-то? С юристом? В полицию заявить?

— И что я скажу? «Здравствуйте, мой отец занял деньги у бандитов, помогите»? Они посмеются и выставят меня за дверь. Или, что хуже, расскажут тем, у кого он занимал. — Варя

достала из-под кассы конверт, повертела в руках. Вскрывать не стала. Убрала обратно. — Я разберусь. Правда.

Настя вздохнула. Варя знала этот вздох. Он означал: «Ты упрямая, и я ничего не могу с этим сделать».

— Ладно. Но если тебе что-то нужно — ты знаешь, где меня найти. — Настя надела фартук. — А теперь давай, покажи, что там у тебя с тартом. Я хочу попробовать.

Они работали вместе уже год, и Варя не представляла, как бы справлялась без неё. Настя была не просто помощницей — она была той, кто заставлял Варю есть, когда та забывала, и той, кто могла сказать: «Варя, сядь. Ты не железная». Она не умела печь так, как Варя, но она умела всё остальное: вести дела, упаковывать, общаться с клиентами, считать выручку. И она никогда не задавала лишних вопросов о долге — просто была рядом.

День шёл своим чередом. Покупатели заходили и выходили. Кто-то брал кофе с собой, кто-то садился за столик. Варя знала многих в лицо. Знала, кто что любит. Знала, что Мария Петровна — маленькая старушка — всегда берёт два безе: одно для себя, одно для своей чихуахуа, с которой почти никогда не расстаётся. У чихуахуа на макушке — крошечный бантик, всегда в цвет сумки Марии Петровны: то алый, то голубой, то в горошек. Знала, что парень в очках, приходивший по вторникам, тайно влюблён в девушку, которая пьёт латте с корицей, но каждый раз делает вид, что просто ждёт заказ. Варя пекла для них, улыбалась им, и на время забывала о конверте под кассой.

Но к полудню усталость взяла своё. Она присела на табуретку в углу кухни и закрыла глаза. Пальцы снова начали стучать — по колену, тихо, в ритме, который она сама не могла остановить. Она думала об отце. О том, как он учил её раскатывать тесто, как говорил: «Варюша, главное — не торопиться. Тесто чувствует, когда его торопят». Он был прав. Тесто чувствовало. И люди тоже.

— Варя, — Настя заглянула в кухню. — Ты как?

— Нормально. Просто… дай мне минуту.

Настя не стала спорить. Она вернулась в зал — и через секунду Варя услышала, как она болтает с кем-то из покупателей. Голос у Насти был звонкий, весёлый. Она умела создать ощущение, что всё хорошо.

Варя открыла глаза, встала, поправила фартук и вышла в зал.

— Добрый день! — начала она, но осеклась.

У прилавка стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в чёрной футболке. Варя сначала отметила рост — ей пришлось задрать голову, — потом лицо: резкое, с тяжёлым взглядом серых глаз, тёмные волосы с сединой на висках. Красивый. Но не из тех, на кого засматриваются в кафе, — из тех, от кого хочется отойти на шаг.

За его спиной стояли двое в тёмных куртках. Они не смотрели на витрину. Они смотрели на неё.

Мужчина оглядел пекарню. Медленно. Оценивающе. Потом перевёл взгляд на Варю.

— Варвара Малиновская? — Голос низкий, спокойный. Без угрозы. Но от него у Вари по спине пробежал холодок.

— Да, — ответила она. И, сама не зная почему, добавила: — А вы, простите, кто?

Мужчина достал из кармана телефон, посмотрел на экран, убрал обратно. Потом положил на прилавок тонкую папку.

— Артём Кречетов. — Пауза. — У меня к вам разговор.

Варя посмотрела на папку. Потом на него. Пальцы сами собой начали выстукивать по прилавку. Тук. Тук. Тук. Она сжала руку в кулак.

— Я слушаю.

Артём Кречетов чуть склонил голову набок. В серых глазах что-то мелькнуло — не то любопытство, не то усмешка.

— Вы всегда так делаете, когда нервничаете? — спросил он, кивнув на её руку.

Варя спрятала руку за спину.

— Только когда мне угрожают.

Он усмехнулся. Одним уголком губ. И открыл папку.

— Тогда вам стоит услышать, что я скажу.

Настя замерла у полки с упаковкой, обернулась. Варя почувствовала, как внутри всё сжалось.

Артём вынул из папки лист. Положил перед ней.

— Ваш отец занял у меня крупную сумму. Год назад. — Он говорил ровно, без эмоций. — Долг перешёл к вам. Вот документы.

Варя посмотрела на цифру. Цифра была большой. Очень большой. Больше, чем она предполагала. Больше, чем она могла заработать за год, даже если бы пекла двадцать четыре часа в сутки.

Пальцы снова начали стучать. Она не стала их останавливать. Смысла не было.

— Я не знала, — тихо сказала она. — Он не говорил.

— Теперь знаете. — Артём убрал лист обратно в папку. — У меня есть предложение.

Варя подняла глаза.

— Я покупаю пекарню, — сказал он. — Вы остаётесь здесь шеф-кондитером. Зарплата — часть идёт в счёт долга. Через пару лет долг закроется.

Варя моргнула. Потом ещё раз. Пальцы перестали стучать. Она медленно выдохнула — и покачала головой.

— Нет.

Артём чуть приподнял бровь.

— Нет?

— Нет. — Варя скрестила руки на груди. — Вы приходите в мою пекарню, кладёте на прилавок бумаги и думаете, что я вот так просто соглашусь? Я не знаю вас. Я не знаю, что вы за человек. И я не собираюсь отдавать дело отца первому встречному, даже если у него есть документы.

Настя за её спиной тихо ахнула. Артём смотрел на Варю внимательно. Без злости. Скорее — с любопытством.

— У вас есть варианты? — спросил он.

— У меня есть вариант работать и платить. Постепенно. — Варя подняла подбородок. — Я не отдам пекарню.

— Постепенно — это сколько? — Артём кивнул на папку. — С процентами, которые растут каждый месяц, вы будете платить до пенсии. И это если не случится ничего непредвиденного. А оно случится. Всегда случается.

Варя промолчала. Он был прав. Она ненавидела это, но он был прав.

— Я не предлагаю вам отдать пекарню, — сказал Артём, и голос его стал чуть мягче. — Я предлагаю партнёрство. Юридически пекарня будет моей, но вы остаётесь здесь. Вы работаете так, как работали. Никто не лезет в вашу кухню. Никто не меняет ваши рецепты. Вы просто получаете зарплату — и часть идёт в счёт долга.

— А вы что получаете? — спросила Варя. — Кроме пекарни?

— Хорошего кондитера. — Артём пожал плечами. — У меня сеть кофеен. «Эспрессо номер 13». Десерты там… — он поморщился, — посредственные. Мне нужно то, что делаете вы.

Варя посмотрела на него. Потом на Настю. Настя смотрела на неё круглыми глазами и беззвучно шевелила губами: «Соглашайся».

— Хорошо, — сказала Варя медленно. — Но у меня два условия.

Артём кивнул.

— Первое: на кухне командую я. Что готовить, как готовить и по каким рецептам — решаю только я. Вы не вмешиваетесь. Не диктуете меню. Не присылаете «специалистов», которые будут учить меня печь.

— Договорились, — сказал Артём.

— Второе: Настя остаётся. Она работает здесь. Её зарплата — не из моего долга. Отдельно.

Настя за спиной Вари издала какой-то звук — то ли всхлип, то ли смешок. Артём перевёл взгляд на неё, потом обратно на Варю.

— Настя — это ваш… — он запнулся, подбирая слово.

— Помощница. И подруга. Она здесь ещё с отцовских времён. Если её не будет — я не буду работать.

Пауза. Артём смотрел на Варю. Долго. Потом чуть улыбнулся — одним уголком губ.

— Хорошо. Настя остаётся. — Он протянул руку. — По рукам?

Варя посмотрела на его руку. Сильные пальцы, коротко стриженные ногти. Она вложила свою — маленькую, в муке.

— По рукам. Но если вы попытаетесь указывать, что мне печь, — я уйду. И заберу с собой все рецепты.

— Запомню. — Он сжал её руку. Ладонь у него была тёплая. И жёсткая. — Завтра в девять. Кофейня «Эспрессо номер 13». Найдёте?

— Найду.

Он отпустил её руку, развернулся и вышел. Двое в куртках последовали за ним. Колокольчик над дверью звякнул.

Варя стояла неподвижно. Смотрела на дверь.

— Варя? — Настя подошла, положила руку ей на плечо. — Ты в порядке?

Варя медленно выдохнула. Пальцы снова начали стучать — по прилавку, тихо, дробно. Она не стала их останавливать.

— Не знаю, — сказала она. — Но, кажется, только что я продала пекарню человеку, который выглядит так, будто убивает людей за завтраком.

Настя хмыкнула.

— Ну, по крайней мере, он красивый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.